

Сергей Стаценко

Не сказано —
значит прожито.
道 » 無言 » 活

Сергей Стаценко

**Не сказано — значит
прожито. # » ## » #**

«Автор»

2026

Стаценко С. В.

Не сказано — значит прожито. # » ## » # / С. В. Стаценко —
«Автор», 2026

Книга — глубокое философское размышление о пути человека к подлинному «я» сквозь призму идей даосизма. Через историю Сергея — человека, который проходит жизненный путь от первого крика до последнего выдоха, — автор исследует, как общество и внешние ожидания заставляют нас забывать о внутренней целостности и естественной гармонии. Автор не даёт готовых советов: следуя духу «ДаоДэЦзин», он приглашает читателя к внутреннему пробуждению — вспомнить, кем мы были до того, как нам сказали, кем мы должны быть. В конце каждой главы приводятся строки из «ДаоДэЦзин»: они не требуют анализа, а призваны оставить тихий след в душе, подобно кругам от камня, брошенного в воду. Книга будет интересна тем, кто ищет не инструкции, а глубину; кто готов заглянуть внутрь себя и услышать голос внутреннего ребёнка — цельного, живого, полного благой силы Дэ (#).

© Стаценко С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Предисловие # · ## · #	6
Часть I. Исток	7
Глава 1 Безымянное ##	7
Глава 2. Имя #	8
Глава 3. Взгляд без оценки ##	10
Часть II. ПреломлениеГлава 4. «Будь хорошим» #	12
Глава 5. Стыд #	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Стаценко

Не сказано — значит прожито. # » ## »

Введение

Меня зовут Сергей Васильевич Стаценко. Я психолог. Отец четверых детей. Муж. Но здесь, на этих страницах, это не имеет значения. Потому что эта книга — не обо мне. И не о психологии. Она о Пути # (Дао), который начинается с первого вдоха и не заканчивается с последним. О том, как мы рождаемся с этим Путём внутри — цельные, живые, полные благой силы # (Дэ), — и о том, как мир постепенно, из лучших побуждений, учит нас забывать себя.

Я провёл много лет, слушая человеческие истории. Видел тысячи людей, которые пришли ко мне с одним и тем же вопросом, хотя звучал он по-разному: «Почему я больше не чувствую себя живым?» И каждый раз, слушая, я видел одно и то же: ребёнка, которому когда-то сказали, что быть собой — недостаточно. Которого научили бороться с течением вместо того, чтобы плыть ## (у-вэй). Которому объяснили, что мир — это препятствие, которое нужно преодолеть, а не поток, с которым можно слиться.

Эта книга — попытка вернуть голос тому самому ребёнку. Его зовут Сергей. Так назвали его родители. Так буду называть его и я. Но он рано поймёт: имя — это ярлык. В нашем мире всё должно быть названо, и люди придумали имена, чтобы не бояться тишины. Он будет носить это имя, откликаться на него, представляться им — но внутри всегда знать: названное — не есть настоящее. Имя «Сергей» — это одежда. Под ней — Безымянное ## (у-мин). То, что было до слов. То, что останется, когда слова исчезнут.

Мы проживём его жизнь от первого крика до последнего выдоха. Мы войдём внутрь — в мысли, чувства, в ту тихую глубину, где Дао всегда было, есть и будет. Мы пройдем через всё то, через что проходим мы: первое разделение себя и мира, первый стыд, первое «ты должен», первую любовь и первую потерю, яму, из которой он попытается выбраться, копая глубже, — и обнаружит великий парадокс # (Фань): чем сильнее ты хочешь выплыть, тем быстрее тонешь. И только когда перестанешь бороться, вода сама держит тебя.

Мы не будем давать советов. Дао не советует. Дао просто есть ## (цзы жань) — естественность, «само-по-себе-таковость». Единственное, что нужно, — перестать мешать. В конце каждой главы я оставляю вас наедине с несколькими строками из «Дао Дэ Цзин» ###. Не для анализа. Не для запоминания. А для того, чтобы они просто побыли в вас, как камень, опущенный в воду, оставляет круги.

Эта книга — не о том, как стать лучше. Она о том, как вспомнить, кем вы были до того, как вам сказали, кем вы должны быть.

Это история одного человека по имени Сергей. Но, возможно, это и ваша история тоже. В конце концов, все мы люди — как ни назови.

Сергей Васильевич Стаценко

Предисловие # · ## ·

Я не хочу вас ничему учить. Странно, наверное, слышать это от психолога. Ещё страннее — читать в книге, которую вы держите в руках. Но это правда. Я пишу не для того, чтобы объяснить вам Дао. Дао, выраженное словами # (янь), не есть постоянное Дао. Я пишу, чтобы кое-что вам показать. А ещё — чтобы кое о чём напомнить.

Когда я только начинал работать с людьми, я думал, что психология — это наука о том, как чинить сломанное. Проходит время, и ты понимаешь: ничего не сломано. Просто на ровную гладь воды # (шуй) кто-то бросил камень, и круги до сих пор расходятся. Мы пытаемся успокоить воду рукой, но от этого кругов становится только больше. А вода, предоставленная самой себе, успокаивается сама.

В этом и есть суть недеяния ## (у-вэй). Не бездействия — а действия без борьбы. Эта книга — история одного человека. Его зовут Сергей. Так называли его родители, когда он ещё ничего не знал ни об именах, ни о родителях, ни о себе. Он родился цельным, как рождается каждый из нас. А потом мир начал объяснять ему, кто он такой. Из лучших побуждений. С любовью. Но каждое объяснение было ещё одним камнем, брошенным в воду.

Сергей — не я. Точнее, я — не только он. Его жизнь не совпадает с моей биографией. Но его внутренний путь — это путь, который я видел сотни раз в глазах людей, приходивших ко мне за помощью. Это путь, который я прошёл сам. И, подозреваю, это путь каждого, кто хоть раз задумывался: почему быть собой так трудно? Мы пройдем с Сергеем от первого крика до последнего выдоха. Увидим, как он теряет себя и находит снова. Как борется с течением и тонет. Как перестаёт бороться — и вдруг обнаруживает, что вода сама несёт его.

Это не учебник. Не трактат. Не пособие по саморазвитию. Здесь нет упражнений, техник и пошаговых инструкций. Есть только история. И есть строки из «Дао Дэ Цзин» ###, которые будут встречать вас в конце каждой главы. Не для анализа. Не для запоминания. Просто чтобы побыть с ними.

В конце концов, как сказано: знающий не говорит. Но иногда, чтобы напомнить о молчании # (цзин), нужно нарушить его словами. А потом — закрыть книгу и жить. Потому что то, что не сказано — значит прожито.

Сергей Стаценко

Часть I. Исток

Глава 1 Безымянное

Сначала не было ничего. А потом ничего не стало — и появилось всё. Он ещё не знал, что его зовут Сергей. Он вообще не знал, что такое «звать» и что такое «имя». Он не знал, что он — это он, а мать — это мать. Он был просто теплом. Просто пульсацией. Просто движением в темноте, где нет ни верха, ни низа, ни прошлого, ни будущего. Темнота дышала. Сжималась и разжималась. И он дышал вместе с ней — вернее, она дышала им, а он ещё не умел отличать себя от того, что вокруг. Потом темнота сжалась сильнее обычного. Сжалась так, что ему пришлось двигаться. Он не решал — он просто двигался. Так растёт трава: она не выбирает направление, она просто тянется туда, где свет. Даже если свет — это пока только узкая щель, которой он ещё не видел. Это было первое в его жизни надеяние ##.

Он не старался родиться. Он не боролся. Он не преодолевал. Он просто следовал сжатию, как вода следует руслу, не спрашивая, почему оно поворачивает здесь, а не там. Вода не спрашивает. Она течёт. И он тёк. А потом темнота треснула. Хлынул свет — резкий, холодный, невыносимый. Воздух ударил в лёгкие, и они раскрылись с первым криком. Крик был громким. Таким громким, что он сам испугался. Но это был не крик боли. Это был крик жизни — той самой, что входит в тело и говорит: «Вот. Теперь ты здесь. Дыши». Он задышал. И в этом первом дыхании было всё, что ему когда-либо понадобится. Полнота благой силы # (Дэ), про которую он пока ничего не знал, но которая уже была в нём. Как в младенце, что сжимает кулачки не от гнева, а от избытка жизни. Как в ростке, что пробивает асфальт не из упрямства, а просто потому, что иначе не может.

Чьи-то руки подхватили его. Большие, тёплые, дрожащие. Он не знал, чьи они. Не знал слова «мама». Не знал, что эта женщина только что кричала от боли, а теперь плачет от счастья. Он просто чувствовал тепло — почти такое же, как там, внутри. Почти. Но уже не совсем. Его положили на что-то мягкое. Завернули. Свет всё ещё резал глаза, и он зажмурился.

Звуки были отовсюду: голоса, шаги, какой-то писк, звон. Он не различал их. Они были просто шумом — как море, как ветер, как дождь по крыше. Он ещё не научился отделять важное от неважного. Всё было важно. Всё было едино. Он ещё не знал, что пройдёт всего несколько дней, и мир начнёт раскалываться на куски. Что у звуков появятся смыслы. Что тёплые руки получат имя «мама», а низкий голос позже назовут «папой». Что ему дадут имя — Сергей — и с этого начнётся долгий путь возвращения к тому, кем он был в этот самый миг: цельным. Неразделённым. Безымянным ## (у-мин). Но пока — пока он просто лежал и дышал. И дыхание было совершенным. Потому что он ещё не знал, что можно дышать «правильно» или «неправильно». Он просто дышал — и весь мир дышал вместе с ним.

За окном родильной палаты шёл снег. Первый снег в этом году. Крупные хлопья падали на подоконник и таяли. Никто, кроме, может быть, санитарки, мельком глянувшей в окно, этого не заметил. А он — заметил? Нет. Он не «замечал». Он был этим снегом. Этим подоконником. Этой талой водой. Он ещё не отделил себя от мира, а мир — от себя. Так начинается Дао #. Не с решения. Не с выбора. Не с цели. А с простого движения — из темноты к свету, из тишины к крику, из единства к разделению. Разделение ещё впереди. И возвращение — тоже. А пока — первый день. Первый снег. Первый вдох. И в этом вдохе — всё.

«Безымянное — начало неба и земли. Обладающее именем — мать всех вещей».

— Дао Дэ Цзин, глава 1

Глава 2. Имя

Имя пришло не сразу. Сначала были просто звуки. Мать говорила мне что-то, склоняясь над кроваткой, и я не понимал слов, но понимал тепло. Её голос был мягче подушки. Я ещё не знал, что это «голос», не знал, что это «мать». Я просто впитывал вибрацию, и она была частью мира, такого же цельного, как и прежде. Но мир уже начинал дробиться.

Сначала я узнал лицо. Одно и то же лицо появлялось надо мной каждый раз, когда становилось мокро или голодно. Оно всегда приходило с теплом и молоком. Потом я заметил второе лицо — крупнее, с низким голосом, который вибрировал иначе. Эти два лица стали появляться чаще других. Они были якорями в море новых ощущений. А потом случилось странное.

Однажды мать склонилась надо мной и, глядя прямо в глаза, произнесла что-то, чего я раньше не слышал. Звук был короткий, резкий, с шипением в середине и мягким окончанием:
— Сер-гей.

Я не отреагировал. Я смотрел на её губы, которые сложились в трубочку на первом слоге и растянулись на втором. Это было забавно. Но она повторила. И ещё раз. И ещё.

— Серёжа. Серёженька. Сынок.

Она брала мой палец и прикладывала к своей груди:

— Ма-ма. Ма-ма.

Отец делал так же, прикладывая мою ладошку к своей щеке:

— Па-па.

Я не понимал. Но что-то уже менялось.

Эти звуки были не просто шумом — они были указателями. Они на что-то показывали.

«Ма-ма» — это тепло и молоко.

«Па-па» — это низкая вибрация и большие руки.

«Сер-гей» — это я. Или нет? Вот тут, в этом месте, которое я ещё не мог осознать, но уже чувствовал, возник первый зазор. Раньше я был просто собой — без названия, как вода, как небо, как снег за окном.

А теперь у меня появилось имя. И имя было отдельно, а я — отдельно. Имя можно было произнести, когда я не ждал. Имя можно было окликнуть, и я поворачивал голову — не потому, что хотел, а потому что звук требовал ответа.

Однажды я лежал в кровати и смотрел на тень от занавески. Тень двигалась от сквозняка, и это было бесконечно интересно. Я был тенью. Тень была мной. Границы не было. — Серёжа! Голос матери из другой комнаты. Тень исчезла. Я снова стал Серёжей. Меня выдернули из бесконечности и поместили в маленькое тело с маленьким именем. Я заплакал. Мать прибежала, взяла на руки, стала укачивать. Она не знала, почему я плачу. А я не мог ей сказать.

Впрочем, были моменты, когда имя исчезало. Ночью, когда все спали. В тишине # (цзин) я просыпался и смотрел в темноту. Никто не звал меня по имени. Никто не говорил «мама» и «папа». Весь мир снова был одним целым, и я дышал вместе с ним. Вдох. Выдох. Тишина. В эти минуты я чувствовал что-то, чему ещё не было названия. Покой. Полноту. Себя — не как Сергея, а как того, кто был до всякого имени. Но наступало утро, и вместе с солнцем возвращались слова.

— Серёжа, покушай.

— Серёжа, посмотри на папу.

— Серёжа, скажи «ма-ма».

И я учился. Я научился откликаться. Научился узнавать себя в зеркале — того самого Серёжу, про которого все говорили. Научился показывать пальцем: «Это моё, это я». Но иногда, глядя в зеркало, я задерживался взглядом дольше обычного. Что-то было не так. Тот, в

зеркале, был Серёжей. Но тот, кто смотрел на Серёжу изнутри, был кем-то другим. Без имени. Без лица. Просто взгляд. Просто присутствие.

Я ещё не знал слов для этого. Но это был первый проблеск понимания: имя — это одежда. Удобная, нужная, даже красивая. Но тот, кто её носит, — больше одежды. Имя «Сергей» можно надеть утром и снять вечером. Но тот, кто снимает, — остаётся. Этого я ещё не понимал умом. Но тело помнило. Тело помнило время, когда имён не было. Когда я был просто теплом в темноте. Просто движением. Просто дыханием. И это воспоминание тихо ждало своего часа. А пока я рос. Учился ходить. Учился говорить. Учился быть Серёжей. Мир был полон имён, и каждое имя что-то значило.

«Мама» — любовь и безопасность.

«Папа» — сила и смех.

«Серёжа» — это я. «Я» — самое странное слово из всех.

Когда я впервые сказал «я», что-то произошло. Я присвоил себе всё, что было внутри. Мысли. Чувства. Желания. И одновременно — отрезал себя от всего остального. «Я» — это не «ты». «Я» — это не «мама». «Я» — это отдельно. Я ещё не знал, что это отделение — и есть начало пути # (Дао). Что теперь мне предстоит долгая дорога обратно — от «я» к тому, что было до «я». От имени — к Безымянному. От разделения — к единству. Но это будет потом. А пока мне два года. Я стою босиком на тёплом деревянном полу и смотрю на своё отражение в стеклянной дверце шкафа. Я показываю пальцем на мальчика в отражении и говорю: — Се-лё-жа. А внутри кто-то тихий, безмолвный ## (у-янь), улыбается. Потому что знает: это только начало .

«Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное — прекрасно, появляется и безобразное. Когда все узнают, что добро — это добро, возникает и зло».

— Дао Дэ Цзин, глава 2

Глава 3. Взгляд без оценки

Мне было около трёх, когда я сделал открытие: мир не делится на хорошее и плохое. Он просто есть. Я ещё не знал этих слов, конечно. Я просто жил. Просыпался — и мир был новым. Каждое утро солнце падало на пол по-разному. Каждое утро каша была то горячее, то холоднее, то с комочками, то без. И всё это было интересно.

Помню лужу во дворе. Обычную лужу после дождя. Вода была тёплой, а на дне лежали камешки — серые, белые, один даже с блёсткой. Я сидел на корточках и трогал их пальцем. Камешек был гладким. Вода холодила руку. Солнце отражалось в луже маленькой лампочкой. Я мог сидеть так вечность. Я и был вечностью.

— Серёжа! Немедленно отойди от лужи! Испачкаешься!

Голос бабушки. Громкий. Резкий. Она подбежала, схватила меня за руку и оттащила. Я не понял.

Лужа была прекрасна. Камешки были сокровищем. Почему «немедленно отойди»? Почему «испачкаешься» — это плохо? Я ещё не знал, что мир взрослых поделён на «можно» и «нельзя». На «чистое» и «грязное». На «хорошо» и «плохо». Для меня всё было одним. Лужа — это просто вода. Грязь — это просто мокрая земля. Земля пахла чем-то древним, живым. Этот запах мне нравился. Но взрослые морщили нос.

Тогда же я впервые заметил странную вещь. Когда я смеялся просто так, оттого что птица села на подоконник, взрослые улыбались. Когда я смеялся, размазывая кашу по столу, — хмурились. Когда я плакал, потому что упал, меня жалели. Когда плакал, потому что не дали конфету, — сердились. Смех и слёзы — одни и те же. Но оценка разная.

Я начал учиться этому странному языку. Языку оценки. Мир, который раньше был цельным, теперь раскалывался на «правильное» и «неправильное» с каждой новой фразой взрослых. «Молодец» — и я надувался гордостью. «Как не стыдно» — и я сжимался, хотя не понимал, что такого я сделал. Стыд был самым странным чувством. Он приходил не изнутри — он приходил снаружи, от чужих глаз, от чужих голосов. Мне говорили: «Тебе должно быть стыдно», и мне становилось стыдно. Но почему? Я просто делал то, что делал. Бегал, кричал, трогал вещи, задавал вопросы. Но теперь у каждого моего действия появилась цена. И цену эту назначали не мне.

Однажды мы гуляли в парке. Была осень, и листья лежали на земле огромными кучами. Жёлтые, красные, коричневые. Я побежал и прыгнул в самую большую кучу. Листья взметнулись фонтаном, залетели за шиворот, защекотали шею. Я засмеялся.

— Серёжа! Вставай сейчас же! Там грязно! И листья мокрые!

Я встал. Куртка была в прилипших листьях. Мама отряхивала меня и что-то говорила — быстро, сердито. Я почти не слышал. Я смотрел на листья, которые только что были фонтаном, волшебством, полётом, — и не мог понять, как что-то настолько прекрасное может быть «грязным».

Кто это решил? Когда? Почему мне не сказали? Но я не спрашивал. Я уже учился не спрашивать. Вечером, лёжа в кровати, я смотрел в потолок и думал свою первую настоящую мысль. Она была без слов, но если попытаться одеть её в слова, она звучала бы так: «То, что мне говорят о мире, и то, что я чувствую, — разное. Кто из нас прав?» Я не знал тогда, что этот вопрос — и есть начало мудрости. Что способность видеть мир без оценки ## (у-вэй) — это дар, с которым рождается каждый, но который почти все теряют. Что мне ещё предстоит долго возвращаться к тому простому взгляду, которым я смотрел на лужу, листья и камешек с блёсткой. Но что-то во мне уже тогда отказывалось верить, что мир — это список правил. Где-то глубоко, под слоем «молодец» и «как не стыдно», жила память о цельности. О времени, когда всё было просто есть.

Перед сном мама читала мне сказку. Про колобка, который от всех ушёл. Я слушал и думал: колобок катился по дорожке, и ему было весело. Почему то, что он ушёл от бабушки и дедушки, — это плохо? Он же пел песню. Ему нравилось катиться. Может быть, он просто хотел посмотреть мир? Я заснул с этой мыслью. Мне снилась лужа. Огромная, как море. И я шёл по ней босиком, и вода держала меня.

«Поэтому мудрец, совершая дела, придерживается недеяния и осуществляет учение, не прибегая к словам».

— Дао Дэ Цзин, глава 2

Часть II. ПреломлениеГлава 4. «Будь хорошим»

В четыре года я узнал, что быть собой — недостаточно. Нужно быть хорошим. Слово «хороший» звучало в нашем доме часто. Хороший мальчик ест кашу до конца. Хороший мальчик не кричит. Хороший мальчик делится игрушками. Хороший мальчик слушается маму и папу. Хороший мальчик говорит «спасибо» и «пожалуйста». Хороший мальчик не плачет. Я очень хотел быть хорошим.

Потому что когда я был хорошим, мама улыбалась, папа гладил меня по голове, бабушка давала конфету. Когда я был хорошим, меня любили. И я старался. Но странное дело: чем больше я старался, тем труднее это становилось.

Однажды к нам пришли гости. Мама надела красивое платье, папа достал из шкафа бутылку, которую долго протирал тряпочкой. Пахло пирогом и духами. Мне велели быть хорошим.

— Серёжа, сегодня никаких фокусов,

— сказала мама, поправляя мне воротник.

— Будь умницей.

Я кивнул. Я очень хотел быть умницей. Гости пришли шумные, большие. Они щекотали меня словами: «Как вырос!», «Какой серьёзный!», «Весь в отца!». Я не понимал, что значит «весь в отца», но звучало это вроде бы хорошо. Меня гладили по голове, и я стоял смирно, хотя хотелось убежать в свою комнату к машинкам. Потом случилось страшное. Дядя с усами, от которого пахло одеколоном, наклонился ко мне и спросил:

— Ну что, Серёжа, кем хочешь стать, когда вырастешь?

Я не знал. Я вообще не думал об этом. Когда ты растёшь, ты просто растёшь — как трава, как дерево. Трава не решает, кем она станет. Она просто тянется к солнцу. Но сказать «не знаю» было, кажется, неправильно. Хорошие мальчики знают, кем хотят стать.

— Космонавтом,

— сказал я первое, что пришло в голову.

Когда-то папа рассказывал про космонавтов. Гости заулыбались. Дядя с усами одобрительно загудел. Мама посмотрела на меня с гордостью. Я выдохнул. Я снова был хорошим. Но внутри что-то сжалось. Я сказал неправду. Я не хотел быть космонавтом. Я хотел просто играть в машинки и смотреть, как ползёт божья коровка по подоконнику. Но этого, кажется, нельзя было говорить вслух. Потому что «просто играть» — это не профессия. А хорошие мальчики должны думать о будущем.

Вечером, когда гости ушли, я лежал в кровати и думал. Думал о том, что сегодня я много раз был хорошим. Я сказал «спасибо» за подарок, хотя коробка с кубиками меня не интересовала. Я сидел смирно, хотя ноги чесались бегать. Я не перебивал взрослых, хотя хотел рассказать про божью коровку. Я улыбался, когда было не смешно. И за это меня любили. Но любили ли бы меня, если бы я сказал правду? Если бы я встал из-за стола и убежал играть? Если бы я сказал дяде с усами: «Я не знаю, кем хочу стать. Я просто хочу жить»? Я чувствовал смутно, без слов, что любовь даётся мне не просто так. Её нужно заслужить. И для этого нужно быть не собой, а кем-то другим. Таким, какого хотят видеть.

С этого дня началась моя двойная жизнь. Внешний Серёжа был хорошим. Он говорил «спасибо», убирал игрушки и знал, кем хочет стать. Внутренний Серёжа смотрел на всё это с удивлением. Он не понимал, зачем убирать игрушки, если завтра их снова доставать. Не понимал, зачем говорить «спасибо» за невкусный суп. Не понимал, почему нужно хотеть стать кем-то, если ты уже кто-то. Но внутренний Серёжа говорил всё тише. Потому что мир вокруг был устроен просто: будь хорошим — получишь любовь. Будь собой — кто знает, что получишь. И я выбирал любовь.

В пять лет я уже умел читать настроение мамы по тому, как она закрывает дверь. Если тихо — можно подойти. Если громко — лучше сидеть в комнате. Я умел говорить папе то, что он хотел слышать. Я умел быть удобным. Но иногда, лёжа в темноте перед сном, я смотрел в потолок и спрашивал себя без слов: «А когда я вырасту, можно будет перестать быть хорошим? Можно будет просто быть?» Ответа не было. Потолок молчал. И я засыпал, чтобы утром снова надеть улыбку, как рубашку, и выйти к завтраку — хорошим мальчиком Серёжей, который ест кашу до конца и знает, кем хочет стать.

«Когда устранили Великое Дао, появились "человеколюбие" и "справедливость". Когда появились мудрость и учёность, возникла и великая ложь».

— Дао Дэ Цзин, глава 18

Глава 5. Стыд

Мне было пять, когда я впервые узнал, что такое стыд. Не тот стыд, о котором говорят взрослые — «как тебе не стыдно!», — а настоящий, глубинный, который прожигает насквозь и остаётся в теле навсегда.

Было лето. Мы жили на даче. Я любил дачу — там было больше свободы. Можно было бегать босиком, копать в песке, ловить лягушек в пруду. Никто не следил за каждой пылинкой, как в городе. Я целыми днями пропадал на улице, возвращаясь только поесть.

В тот день было особенно жарко. Я бегал с соседскими мальчишками, мы играли в войнушку. Я упал в траву, раскинул руки и смотрел в небо. Трава пахла сладко, небо было синим-синим. Мне было хорошо. Так хорошо, что я засмеялся без причины.

— Ты чего?

— спросил Пашка, соседский мальчик.

— Просто так,

— ответил я.

— Просто так не смеются,

— сказал он нахмурившись.

— Просто так дураки смеются.

Я замолчал. Смех застрял где-то внутри. Значит, смеяться без причины — это по-дурацки? Я этого не знал. Мне казалось, смех — он как дождь: приходит, когда хочет.

А потом случилось то, что я запомнил на всю жизнь. Я доигрался до того, что мокрым стал насквозь — и от пота, и от воды из бочки, в которую мы окунались. Мама, увидев меня на пороге веранды, всплеснула руками.

— Серёжа!

Посмотри на себя! Ты же грязный как поросёнок! И штаны мокрые! Ты что, описался?!

— Нет,

— сказал я растерянно.

— Это вода из бочки.

Но мама уже не слушала. Она схватила меня за руку и потащила в дом переодеваться. А на веранде сидела соседка, тётя Нина, и пила чай. Она посмотрела на меня поверх чашки и усмехнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.